

04. Красная слива

Снег прекратился незаметно, и ветер улегся, но от этой внезапной тишины холод, казалось, стал еще более колючим.

Цзянь Мянью вежливо улыбнулся толпе любопытных соседей и решительно закрыл ворота. Обернувшись, он поспешил навстречу вышедшему во двор Циню Уцзю.

— На улице стужа, младший шишу, зачем вы вышли? — заботливо спросил юноша.

— Слишком шумно, — отозвался тот.

Цзянь Мянью негромко пообещал:

— В следующий раз я разберусь с ними быстрее.

Провожая старшего в дом, он не удержался от вопроса:

— Кстати, младший шишу, что это за Шесть чудовищ горы Юньдан?

Циню Уцзю даже не замедлил шага.

— Не припоминаю, — бросил он с полным безразличием.

Этот холодный тон и невозмутимый вид вызвали у Цзянь Мянью искреннее восхищение — вот она, истинная манера великого мастера!

Пока он витал в облаках, Циню Уцзю уже ушел вперед. Глядя в спину наставника, юноша гадал: что же за беда приключилась с младшим шишу, раз он получил столь тяжелые раны? Любопытство подмывало расспросить его, но он понимал — о таком нельзя спрашивать в лоб.

Судя по словам тех негодяев, раньше младший шишу был легендарной личностью в мире совершенствующихся, а теперь внезапно превратился в болезненного затворника, который слабее обычного смертного. Такой удар по самолюбию пережить непросто.

Цзянь Мянью решил, что при первой же возможности купит несколько книг об орденах и великих мастерах, чтобы восполнить пробелы в знаниях. Если за голову Циню Уцзю обещали славу в веках, значит, он определенно не был безвестным бродяжкой.

«Они еще говорили, что за ним тянется кровавый след... Неужели младший шишу — великий злодей?»

Цзянь Мянью невольно сравнил облик Цинь Уцзю с теми уродцами с горы Юньдан и тут же отбросил эту нелепую мысль. Злодеями здесь выглядели именно те шестеро.

Нежданные гости исчезли так же нелепо, как и появились, и Цзянь Мянью выбросил их из головы. Он отправился на кухню и принес чашу со свежесваренным отваром.

— Младший шишу, сначала выпейте лекарство, — сказал он. — А я потом схожу к дядюшке Вану в восточную часть города, попрошу починить дорогу у ворот.

Земля перед входом была изуродована тяжелой алебардой Третьего, и Цзянь Мянью злился, вспоминая об этом: ремонт стоил денег. В последнее время на лечение младшего шишу и так уходило немало, и хотя юноша не жалел средств на самое необходимое, в остальном ему приходилось экономить. Разбитая дорога стала для них и без того скромного бюджета настоящим бедствием.

«В следующий раз увижу этих шестерых — обязательно стрясу с них за ремонт», — твердо решил он.

Цинь Уцзю с легким интересом наблюдал за своим деятельным племянником. Этот мальчик казался неисчерпаемым источником жизненных сил — всегда бодрый и полный надежд, полная противоположность ему самому.

Цзянь Мянью вернулся в комнату через некоторое время и, заметив нетронутую чашу на столе, нахмурился:

— Младший шишу, почему вы не пьете?

Цинь Уцзю сидел за столом и смотрел на юношу.

— Руки совсем не слушаются, — едва слышно ответил он.

Болезненная бледность делала его взгляд пронзительным, а угольно-черные глаза, смотрящие снизу вверх, лишали его образ былой суровости. В этом облике было что-то странно притягательное, почти манящее.

Цзянь Мянью коснулся чаши — отвар остывал. Он не совсем понимал, чего именно хочет Цинь Уцзю:

— Тогда... что мне сделать?

— Мянью-эр, покорми меня, — в глазах Цинь Уцзю на мгновение промелькнула и тут же скрылась смешинка.

Цзянь Мянй замялся:

— Это... как-то неловко.

— И впрямь не к месту, — притворно-серьезно согласился Цинь Уцзю, кивнув. — Что ж, тогда вылей лекарство.

Он собрался было встать и уйти.

— Ну как же так! — встревожился Цзянь Мянй и поспешно схватил его за рукав.

Младший шишу болел много дней, его то и дело изнурял жар, и этот новый состав был крайне важен. Цинь Уцзю взглянул на руку, сжимающую его одежду, и замер, с интересом ожидая решения юноши.

В душе Цзянь Мянй шла нешуточная борьба, но в конце концов он сдался.

— Хорошо, — выдохнул он. — Присядьте.

Под пристальным взглядом Цинь Уцзю юноша невольно занервничал, рука с ложкой слегка дрогнула. Однако, вновь встретившись с ним глазами, он вдруг успокоился.

Цинь Уцзю оставался бесстрастным, как и всегда, будто ему не было дела до происходящего. Но в самой глубине его взгляда таилось едва уловимое ожидание. Это делало его более живым, а тонкие черты лица — одухотворенными.

Цзянь Мянй зачерпнул густую темную жидкость и поднес ложку к губам наставника, мысленно уговаривая себя: «Больные всегда капризничают. Когда я в детстве болел, тоже не отпускал дедушку ни на шаг. Это нормально».

«Постойте... неужели младший шишу со мной кокетничает?»

Цзянь Мянй испугался собственной догадки и тут же выкинул этот вздор из головы.

Цинь Уцзю медленно разомкнул бледные губы и осторожно отпил лекарство. Цзянь Мянй с облегчением вздохнул и продолжил кормить его ложка за ложкой. Чтобы избежать неловкости, он старался не поднимать глаз, но кожей чувствовал на себе тяжелый, пристальный взор.

Желая поскорее покончить с этой процедурой, он начал действовать быстрее. Цинь Уцзю не успевал сглатывать, поперхнулся и мелко закашлялся, прикрыв рот рукой. На его бледных

щеках проступил лихорадочный румянец.

Этот внезапный алый отблеск на лице был настолько ярким и притягательным, что у Цзянь Мянэ перехватило дыхание. Он невольно сжал пальцы, боясь случайно коснуться наставника.

«Да какой мужчина имеет право быть настолько красивым!» — в смятении подумал он.

Глухой кашель Цинь Уцзю отзывался в сердце юноши щемящей тревогой. Цзянь Мянэ отставил чашу и принялся осторожно похлопывать его по спине.

— Младший шишу, вам лучше?

Цинь Уцзю перестал кашлять и махнул рукой — мол, все в порядке.

— Простите меня, — тихо повинился Цзянь Мянэ. Он снова взял чашу, но теперь действовал предельно осторожно, не обращая внимания на то, что Цинь Уцзю продолжает не сводить с него глаз.

Этот его младший шишу был слишком хрупким, с ним нельзя было проявлять ни капли небрежности.

Когда чаша наконец опустела, Цзянь Мянэ почувствовал, как гора свалилась с плеч.

— Вы отдыхайте, а я... я пойду помою посуду, — пробормотал он и, пройдя пару шагов, вернулся, чтобы положить перед Цинь Уцзю бумажный сверток. — Это я по пути купил. Засахаренные фрукты. Лекарство горькое, будет чем перебить вкус.

Сказав это, он почти бегом скрылся за дверь.

В комнате воцарилась тишина. Цинь Уцзю остался один. Он откинулся на спинку стула, разглядывая подарок. Сквозь приоткрытую бумагу виднелись плоды, припорошенные сахарной пудрой. А рядом на темном дереве стола лежала одинокая красная слива. Должно быть, она случайно упала с плеча Цзянь Мянэ, когда тот входил с улицы.

Цинь Уцзю взял одну сладость. Вкус оказался неожиданно приятным — нежная сладость обволакивала язык, принося странное умиротворение.

Смакуя угощение, он протянул руку и коснулся лепестка красной сливы. В тишине раздался его негромкий, довольный смех.

Предчувствие его не обмануло: с этим племянником жизнь и впрямь обещала стать куда

интереснее.

К ночи снова повалил снег, будто небо лишь на миг дало людям перевести дух. Метель бушевала три дня, и лишь на четвертый облака разошлись, явив яркое солнце.

Цзянь Мянй наконец-то перестал тревожиться. Жар не беспокоил Цинь Уцзю уже три дня, и к нему начал возвращаться аппетит. Теперь нужно было лишь набраться терпения и как следует за ним ухаживать.

Несмотря на улучшение, Цзянь Мянй не расслаблялся: он так жарко натопил в комнате углями, что сам едва выдерживал там несколько минут, хотя Цинь Уцзю, закутанный в плащ, казалось, ничего не замечал.

За все время после возвращения в Фэнчжоу Цзянь Мянй толком не отдыхал. Видя, что наставнику лучше, он решил позволить себе передышку. После обеда, убравшись, он завалился спать и проснулся только к сумеркам.

Когда он открыл глаза, комнату заливал багряный свет заката, ложась причудливыми тенями на пол и мебель. Цзянь Мянй потянулся, чувствуя прилив сил. У него было отличное настроение. Он быстро привел себя в порядок и собрался готовить ужин. Юноша хотел спросить Цинь Уцзю, чего бы тому хотелось отведать, но, открыв дверь в его комнату, обнаружил, что та пуста.

Цзянь Мянй в недоумении обошел весь двор, заглянул в каждый угол, но человека и след простыл. Младший шишу ушел.

«Метель только утихла, к вечеру подморозит — и куда его понесло?»

Он вернулся в комнату Цинь Уцзю, надеясь найти хоть какую-то записку, но наставник не оставил ни слова. Впрочем, Цзянь Мянй не слишком беспокоился: после болезни тот выглядел настолько слабым, что вряд ли мог уйти далеко.

Заперев ворота, юноша отправился на поиски.

Потеряв силы и статус, Цинь Уцзю покинул Павильон Чистого Ветра и Ясной Луны и поселился среди обычных людей. Его жилище не поражало роскошью, но было весьма достойным и, что самое главное, тихим.

Стоило выйти из переулка, как начиналась оживленная торговая улица. За месяц Цзянь Мянй успел перезнакомиться почти со всеми лавочниками. Горожане, хоть и считали его молчаливого спутника странным, самого юношу очень полюбили за приветливый нрав и острый язык.

Ночь бесшумно опустилась на город, и над улицей расцвели разноцветные фонари. Всюду кипела жизнь. Цзянь Мянй шел сквозь толпу, то и дело кивая знакомым.

— Дядюшка Ли, какая на вас сегодня нарядная куртка! Она вам очень идет.

— Тетюшка Хуа, смотрю, дела идут в гору? Хорошей вам торговли!

— Бабушка Чэнь, выглядите бодро! Кушайте больше рыбы, это для здоровья полезно.

— Эрню, не вредничай, ешь овощи, если хочешь вырасти таким же статным, как я!

Проходя мимо лотка с лепешками, Цзянь Мянй почувствовал, что проголодался.

— Сестрица, дай мне одну лепешку. Да побольше перца, самого острого!

Хозяйке лотка было чуть за тридцать. Она была чудо как хороша собой, за что в округе ее прозвали Отрадой для глаз, торгующей лепешками.

— Бери сам, — улыбнулась она, не отрываясь от работы. — Острая приправа вон там, клади сколько душе угодно.

Цзянь Мянй поблагодарил ее, взял лепешку и пристроился у соседнего лотка с чашей горячего супа, чтобы по-быстрому перекусить.

— Сестрица, ты моего брата не видела? — как бы между прочим спросил он.

Жители квартала не знали, кто они такие, и Цзянь Мянй, чтобы не привлекать внимания, скрыл их принадлежность к миру заклинателей. Цинь Уцзю выглядел лет на двадцать пять, поэтому юноша представлялся его младшим братом.

— Твоего брата-то? — отозвалась Отрада для глаз. — Видела, он в сторону переулка Возвращения Ив пошел.

Живя в Фэнчжоу, Цзянь Мянй почти не гулял, но округу знал неплохо. В переулке Возвращения Ив он не бывал, но слышал о нем — это было совсем рядом.

Место это было сомнительное: "цветочная улица", сплошные бордели и заведения с дурной репутацией. Цзянь Мянй не понимал — зачем едва оправившемуся от болезни шишу понадобилось идти в такое место?

Он допил суп, поблагодарил хозяйку и собрался уходить, но тут к нему подскочил владелец

лотка с супом и заговорщицки зашептал:

— Сяо Цзянь, ты ведь от нас что-то скрываешь... Вы с братом — небось, бессмертные мастера, а?

Сидевшие рядом едоки тут же подхватили:

— Точно! Посмотри на них — разве бывают обычные люди такой красоты?

Цзянь Мянью было лестно слышать комплименты, но сравнение с Цинь Уцзю заставило его смутиться. Он замахал руками:

— Да что вы, что вы! Обычная у меня внешность. И никакие мы не бессмертные.

Простые люди всегда питали суеверный трепет перед заклинателями. Не так давно по городу прошел слух, что шайка мошенников под видом "чудодейственных пилюль" распродала старикам обычные леденцы за огромные деньги. И хотя власти поймали негодяев, многие жители остались обижены и разорены.

Цзянь Мянью меньше всего хотел, чтобы в их дом ломались толпы в поисках вечной жизни. Он и сам-то не знал, суждено ли ему стать бессмертным.

Тем временем разговор зашел о недавнем случае, когда Цзянь Мянью прилюдно продемонстрировал свои таланты. Соседи наперебой вспоминали тот день:

— Сяо Цзянь, ты и не представляешь! После того случая ребятня в городе все кусты сливы оборвала — пытаются твое "заклинание" повторить. Может, выкроишь время, поучишь нас?

Цзянь Мянью усмехнулся:

— Да какое там заклинание... Обычные приемы самообороны. Посмотрите на моего брата — он же еле на ногах стоит, какой из него небожитель?

Толпа немного разочарованно загудела, признавая его правоту. Воспользовавшись тем, что внимание переключилось на другие сплетни, Цзянь Мянью потихоньку ускользнул.

Добравшись до переулочка Возвращения Ив, он начал расспрашивать прохожих и вскоре узнал, что Цинь Уцзю зашел в самое роскошное заведение квартала — Квартал Весенних Цветов.

Юноша долго топтался у входа, не решаясь войти. Его терзали сомнения: осознает ли его младший шишу, что с его-то внешностью "болезненного красавца" он затмит любую здешнюю

куртизанку?

Как человек из современного мира, Цзянь Мянью видел подобные заведения в кино, но в реальности оказался в таком месте впервые. Воспитание не позволяло ему чувствовать себя здесь непринужденно.

В Квартале Весенних Цветов редко видели таких симпатичных и явно смущенных юношей. Стоило ему войти, как девицы тут же облепили его, словно котенка, наперебой пытались заигрывать. Цзянь Мянью растерялся, не зная, как пробиться сквозь этот благоухающий пудрой заслон.

Он попытался было вежливо отшутиться, надеясь на свое красноречие, но стоило ему произнести "сестрицы", как девицы пришли в неописуемый восторг. Он понял, что они вовсе не видят в нем клиента — для них он был забавной живой игрушкой, которую так и тянет потискать.

Запах пудры и благовоний кружил голову. Юноша боялся даже взглянуть на их полуобнаженные плечи, не говоря уже о том, чтобы расталкивать их руками. Он мысленно поклялся, что ноги его здесь больше не будет.

Когда терпение окончательно лопнуло, Цзянь Мянью зажмурился и, к изумлению толпы, одним прыжком, подкрепленным духовной силой, взмыл на перила второго этажа.

Наконец-то на свободе! Он перевел дух и, обернувшись, наткнулся на ледяной взгляд Цинь Уцзю.

Тот стоял у перил, и было неясно, как долго он наблюдал за этим позором.

— Младший шишу? — от запаха румян мысли в голове Цзянь Мянью спутались, и от радости он ляпнул первое, что пришло на ум: — Какая встреча!

Лишь произнеся это, он понял, как глупо прозвучали его слова. Будто он сам пришел сюда развлекаться, а не искать пропавшего наставника. А виновник этого безобразия стоял напротив и даже не подумал прийти на помощь.

Цзянь Мянью хотел было возмутиться, но от волнения потерял равновесие. Он соскользнул с перил и мешком полетел вниз.

Толпа внизу ахнула. Юноша уже собирался применить духовную силу, как вдруг почувствовал, что Цинь Уцзю крепко обхватил его запястье холодной ладонью.

Цинь Уцзю одной рукой удержал его и рывком втащил обратно на балкон.

Лишь когда под ногами снова оказалась твердая опора, Цзянь Мянъ смог наконец выдохнуть.

<http://bllate.org/book/17489/1708522>